

Тебя сбирала девушка нагая
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу рыжей сделал луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К любовнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото,
К сплетённому из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошёл, а ночь ещё продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра голландец с ремешковой плёткой
На пристани следил за упаковкой
Клеймёных ящичков — и кровью кроткой
Окрашивал тугую плётку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыпая, зёрна.
А там, на Яве, кровавые раны
На девушке горели рыже-чёрной...

Любуешься порою, как в фарфоре
Кипит с отливом золотистым кофе,
И вдруг — в мозгу встаёт желаний море,
И кровь томит тоска по катастрофе:

Сломать насилье! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купи и продажи!
Плетей не надо для цветов магнолий!
Не надо солнцу океана стражи!

Отмстить за бешенство бичей ремённых!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетённых
Во всех краях и на болотах Явы!

1920